

А. С. ДЕМИН

Для чего Аввакум написал первую челобитную?

Известно, что в первой челобитной, написанной в 1664 г., Аввакум пытался убедить царя Алексея Михайловича отменить никоновские реформы: «... время отложит служебники новые и все ево, Никоновы, затейки дурные! ... Потщися, государь, исторгнути злое ево и пагубное учение...».¹ После работ П. С. Смирнова и А. К. Бороздина это мнение о первой челобитной Аввакума общепринято в науке. Однако до сих пор не было обращено внимания на то, что не все в первой челобитной можно объяснить с этой точки зрения.

Только стремлением убедить царя вернуться к «прежнему благочестию» нельзя объяснить тот факт, что Аввакум включил в челобитную пространный рассказ «о своих бедах и напастях» — повествование о двадцатилетнем периоде своей жизни, примерно с 1644 г., когда молодого Аввакума поставили в попы в Нижегородском уезде, и до 1664 г., когда по царскому указу его вернули в Москву из сибирской ссылки. Большой рассказ Аввакума о его страданиях за «истинную веру», о том, как его били и истязали, как он с семьей мерз и голодал в Сибири, — рассказ, конечно, осуждающий Никона за жестокость, все-таки не имеет, на наш взгляд, прямого, непосредственного отношения к главной теме челобитной — убедить царя отказаться от церковных реформ Никона.

То, что рассказ Аввакума о своих бедах и напастях непосредственно не связан с главной целью челобитной, подтверждает сопоставление первой челобитной с другими старообрядческими челобитными 1600-х годов, авторы которых — Иван Неронов, Никита Пустосвят, Федор Иванов, соловецкие монахи, расколоучители Лазарь, Авраамий и др. — тоже старались, как и Аввакум, убедить царя отречься от никониан. Все они опираются в основном на догматические и богословские доводы, на разбор новопечатных книг, нововведений в церковной службе, — это делает и Аввакум, — но о себе и своих мучениях за веру они в отличие от Аввакума говорят очень мало или вообще не упоминают, обходясь без биографических сведений.

Между тем рассказ Аввакума о своих бедах и напастях занимает важное место в первой челобитной. Прежде всего, повествование о бедах необычно велико, охватывая больше половины текста всей челобитной. Аввакум, понимая, что рассказ непомерно велик, сопровождал его извинениями и оговорками. В начале рассказа Аввакум просит царя о долготерпеливом слушании: «Изволишь, государь, с долготерпением послушать, —

¹ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1. Л., 1927 (РИБ, т. 39), столб. 729 (в дальнейшем тексте столбцы указываются в скобках).

пишет он, — и я тебе, свету, о своих бедах и напастях возведу немного» (стлб. 724—725). А в конце Аввакум снова напоминает о пространности своего рассказа, извиняясь за «долгоглаголение»: «Не прогневайся, государь-свет, на меня, что много глаголю» (стлб. 728). Но понимая, что он «много глаголет», Аввакум предпочел лишний раз извиниться перед царем, но не сократить свой автобиографический рассказ.

Более того. Во вступительной части челобитной, где челобитчики обычно указывают основную тему изложения, Аввакум намечает не одну, а две самостоятельные темы своей челобитной, как бы колеблясь, с какой темы начать: «Государь наш свет! что ти возглаголю ... свое ли смертносное житие возведу тебе, свету, или о церковном раздоре реку тебе, свету?» (стлб. 723). Таким образом, свое «житие» Аввакум мыслил как самостоятельную тему наравне с темой церковного раскола; при этом автобиографическое повествование о бедах и напастях Аввакум сделал центральной частью, к которой все остальные, относительно небольшие части челобитной примыкают скорее в качестве вступления и заключения.

Итак, Аввакум, очевидно, придавал важное значение рассказу о своих бедах и напастях, но цель этого рассказа, к сожалению, остается для нас неясной.

Если обратиться к челобитным и посланиям царям XVII в., то видно, что авторы рассказывают о себе, как правило, в связи с какой-нибудь просьбой личного характера. Послания и челобитные царю, содержащие биографические сведения за более или менее крупный период жизни автора, можно разделить на две группы. В первую группу входят те послания и челобитные, главная тема которых не государственная, не общественная, а личная, даже узко личная, и связь между такой целью и приведением автобиографических данных очевидна.

Типичным является, например, случай, когда автор хочет быть пожалованным за многие свои тяготы на государственной службе и поэтому рассказывает о себе.² Довольно подробные биографические сведения могут приводиться в посланиях и челобитных царю, авторы которых хотят оправдаться в клевете, на них возведенной, или по какой-то причине желают изменить сложившееся о них мнение.³ Наконец, биографические данные приводятся в посланиях заключенных и ссыльных, просящих об освобождении из заточения, смягчении тюремного режима и пр.⁴ Отли-

² Ср., например, челобитные Федора Максимова 1657 г. о его службах на Амуре (ДАИ, т. 4, стр. 94—95), служилых людей Василия Бугра и Евсевия Павлова 1655 г. (там же, стр. 8—9), Г. И. Пустошкина после 1659 г. об отставке от службы (Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 3. СПб., 1884, стр. 479—480), соловецкого чернеца Матвея 1669 г. о мучениях, которые он претерпел от соловецких мятежников (Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, стр. 136). Ср. также письмо бывшего патриарха Никона, который в 1667 г., будучи сослан в Ферапонтов монастырь, описывал свою тяжелую жизнь и заключал: «И ныне се ли мне твое воздояние вместо моея работы? Яко пса состаревшаяся отрину и заключи, и подохну я, пищи лишен» (там же, стр. 102).

³ Ср., например, большой рассказ о своей жизни за 40-летний период в челобитной приказчика Ал. Фролова 1644 г., приведенный для опровержения клеветы, якобы он «поставлен в приказчики из пашенных крестьян»: «... а я, — пишет Фролов, — поставлен, холоп твой, из пуикарей» (ЧОИДР, 1909, кн. 4, отд. IV, стр. 7). Ср. также челобитную муромского архимандрита Антония середины 1660-х годов, который отвергает подозрение, будто он писал подметную челобитную царю (Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. VIII. М., 1887, стр. 120—121).

⁴ Ср., например, жалобы заточенного строителя Воскресенского монастыря Аарона в челобитной 1663 г. (Н. Гиббене. Историческое исследование дела патриарха Никона, ч. 2. СПб., 1884, стр. 636), а также письмо бывшего патриарха Никона о смягчении режима в Ферапонтовом монастыре 1671 г. (Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества, стр. 109, 115).

чительной особенностью всей этой группы челобитных, посланий и писем царям XVII в. является преобладание личной темы.

Но, по-видимому, в XVII в. возникает и новая разновидность посланий царям, в которых эта тема сочетается с более важной общественной, государственной темой. Особенно характерно это для старообрядческих челобитных и посланий царю, в которых вопросы о вере подавляют все остальное, и поэтому не всегда ясна роль вкрапленных сведений и рассказов авторов о себе.

Например, справщик Сенька Васильев в челобитной царю самого начала 1600-х годов подробно разбирает нововведения в печатных книгах. Эти разборы перемежаются автобиографическими замечаниями и отступлениями: «С сорок лет есьми убогой аз был у ваших государевых дел...», «а как был на вашей государеве службе в Сибири в Тобольску з бояры и воеводы, дьячишком две перемены 6 лет, и тамо будучи, не мало вам, великому государю, добра делал...» и т. п.⁵ Оказывается, перед нами знакомая ситуация: Сенька, осуждая никоневские изменения в церковных книгах, не забывает и о себе лично, стремясь опровергнуть возведенную на него клевету, что он недобросовестен и «грамматического учения будто не умеючи».⁶

То же сочетание общественной и личной тем наблюдается в челобитной Лазаря, посланной царю из Пустозерска в 1668 г. Кроме общественной, главной цели — обличить никониан, Лазарь имел и личную цель — оправдаться перед царем, так как он считал, что его оклеветали: «... меня ко тебе, царь, и в мир ложью огласили», «клеветаша на мя всяко ложно». Поэтому излагаются эпизоды из его жизни, показывающие его стойкость и правоту: «А мы держим святая книги и закон прародителей твоих... и аще мы таковыя держаще, и того ради мучимы есмы всяко и казними, в тесных темницах затворены, а хлеба дают нам по полутора фунта на сутки, да квасу нужна, — ей, ей, и псом болши сего метають! — а соли не дают; а одежишка нет же, ходим срамно и наго...» и пр.⁷ Интересно, что в дословно сходной челобитной Лазаря того же года, посланной патриарху Иосафу и посвященной только обличению никониан, но не личным оправданиям, биографических фактов уже нет.

Личная цель заметна и в челобитной Авраамия 1670 г. Хотя челобитная посвящена обличению никоневских реформ и содержит призывы к царю об «умирении» церкви, сюда вставлен живой эпизод о том, как митрополит Павел избивал Авраамия: «И Павел митрополит сего ради моего малого речения, яко зверь распыхался, и не усидел на месте своем, и пришед близ мене, взял мя левою своею рукою за бороду, правую же нача мя по ланитам бити, и збивши с меня на пол клобук, и камилавку, и мантию, и простовласа водя мя за бороду по полате».⁸ Введение подобного рода эпизодов в челобитную на общественную тему объясняется тем, что Авраамий, отличавшийся, как известно, крайним самомнением, намеревался представить себя перед царем страдальцем за веру, новым мучеником. Недаром в заглавии челобитной Авраамий так и назван: «Нового исповедника и страдальца Христова инока Авраамия» челобитная.⁹

⁵ Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. СПб., изд. Д. Е. Кожанчикова, 1862, стр. 34, 51—52.

⁶ Там же, стр. 13.

⁷ Материалы для истории раскола за первое время его существования, т. IV. М., 1878, стр. 233, 264—265.

⁸ Там же, т. VII, 1885, стр. 267.

⁹ Там же, стр. 259, 261—262.

Аналогии, приведенные нами, позволяют думать, что и в первой челобитной Аввакума сплетаются две темы и что рассказ о бедах и напастях связан с какой-то личной целью Аввакума.

Однако обращение к самой челобитной Аввакума приводит нас к противоположному выводу. Между первой челобитной и посланиями и челобитными царю XVII в., содержащими биографические сведения, наблюдается важное для нас различие. Если авторы посланий и челобитных не скрывают, для чего они рассказывают о себе, не раз напоминают о причине этого, то Аввакум о цели своего необычно большого автобиографического рассказа упоминает довольно глухо.

Мы можем указать лишь на одну фразу в челобитной, в которой Аввакум, как можно предполагать, формулирует свою цель. В середине повествования о бедах и напастях Аввакум делает небольшое отступление: «Не челобитьем тебе, государю, ниже похвалою глаголю, — пишет протопоп, — да не буду безумен, истинну бо, по Апостолу, реку. Яко ты наш государь, благочестивый царь, а мы твои богомолцы: некому нам возвещат, како строится во твоей державе» (стлб. 726).

Итак, Аввакум считает, что, правдиво рассказывая о себе, каждый «государев богомолец», а в данном случае сам протопоп, «возвещает, како строится» в державе Алексея Михайловича. Рассказ о судьбе одного человека рассматривается как пример биографии, имеющей общественный интерес. Следовательно, в отличие от множества авторов челобитных и посланий царю Аввакум открыто не связывает автобиографический рассказ с какими-либо личными целями. Отсюда понятно, почему повествование о бедах и напастях, да и вся первая челобитная в целом, не содержит просьб личного характера.

К сожалению, повествование о бедах и напастях не дает ясных подтверждений и того, что Аввакум, рассказывая царю о себе, думал о биографии-примере, биографии общественно-типичной. Подобное отношение к своей биографии, новое для того времени, Аввакум открыто проявляет 8—9 годами позже, в знаменитом Житии. Что же касается одного из ранних дошедших произведений протопопа, первой челобитной, то цель рассказа Аввакума о себе — личная или общественная — остается неясно выраженной, в известной мере даже загадочной. Прояснению этого вопроса не способствуют и последующие редакции первой челобитной. В них опущены все высказывания и замечания, позволяющие судить о собственном отношении Аввакума к автобиографической теме в челобитной. Поэтому ответ на вопрос, для чего же Аввакум написал первую челобитную, мы пока не можем считать полностью выясненным.

Необходимо изучить литературные представления, порожденные расколом, в частности представления о толпе и личности, отразившиеся в писаниях раскольников. Ведь наряду с идеологическими и личностно-жизненными мотивами, литературные, образные представления о мире были важным фактором в писательской деятельности раскольников, проявлялись у них более непосредственно и живо, чем, например, у «настоящих» писателей, вроде Симеона Полоцкого. В этом, быть может, и заключается основное значение русской старообрядческой литературы XVII в.